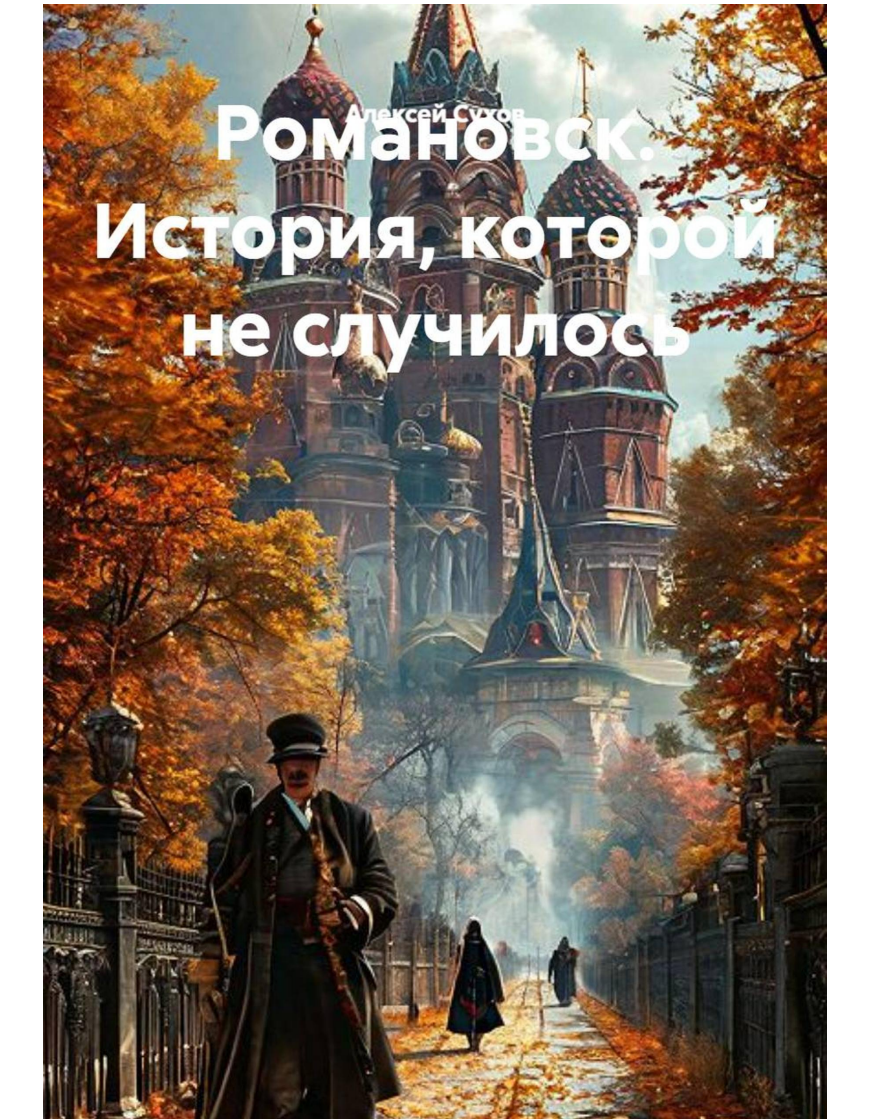

Алексей Сухов

Романовск. История, которой не случилось

Алексей Сухов

Романовск. История,

которой не случилось

<https://litres.ru/74402042>

SelfPub; 2026

Аннотация

А если однажды история пошла по другому пути. Если после 1917 года в России произошла смена династии, и на престоле вместо Романовых оказались Ульяновы?

Как живет бывшим жителям Российской Империи в новой реальности? Как так получилось, что вся мистика Серебряного века не исчезла, а растворилась среди нас?

Неужели Любовь в очередной раз спасла Россию?

Содержание

Глава 1 Надежда	5
Глава 2 Кати	18
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Сухов

Романовск. История, которой не случилось

Глава 1 Надежда

Всё происходящее – очень похоже на правду, но кто не мечтал хоть раз заглянуть в параллельную вселенную.

По распоряжению Цензурного Комитета, Редакция сим уведомляет, что, согласно постановлению о порядке распространения печатных изданий, публикуемый материал не рекомендуется к прочтению лицам, не достигшим двенадцатилетнего возраста. Для лиц в возрасте от 12 до 18 лет допускается ознакомление с оным исключительно в присутствии совершеннолетних. Лицам, достигшим 18-летнего возраста, чтение разрешается без ограничений.

Медведь аккуратно выбрался из-под раскидистого дерева, встал на задние лапы, потянулся и смешно потряс мордой. Никто вокруг не засмеялся, да и некому было – характер Медведя был таков, что любая лесная живность старательно обходила его. Еще бы – Медведь, Царь предгорий, великий Кесарь лесов, Великий Князь альпийских лугов и прочая, прочая, прочая... Если бы он был человеком, то к нему, как минимум бы обращались «Ваше Императорское Величество».

А Его Императорскому Величеству очень хотелось есть. Зима выдалась долгой и снежной, и потому накопленный за прошлый год жирок давно растаял, а сосать лапу – не пристало таким заниматься Царю Кавказского предгорья и далее

по тексту. Оглянувшись по сторонам, Медведь отломил от дерева сухую ветку и стал ворошить её прошлогоднюю листву. Почему ему было так удобнее искать орехи и каштаны, Медведь не знал, но когда-то давно он проделал такой трюк и ему понравилось.

Разворошив спрессовавшиеся за зиму листья, он аккуратно поддел найденный орех на острый конец ветки и поднёс его ко рту. Что-то внутри него требовало сначала откусить небольшой кусочек, пережевать, проглотить и только потом доесть оставшееся, однако голод был сильнее непонятного кокетства – орех сразу исчез в пасти животного. Зверь прикрыл глаза от умиления и уже собирался продолжить свои поиски, как вдруг порыв ветра донес до него запах, от которого всё его нутро сжалось.

Только одно существо в этом мире могло вызывать у Хозяина леса такие чувства – пахло людьми, единственным возможными конкурентами его Лесного Высочества! Зверь зарычал, готовый к убийству, его лапы растопырились, выпуская огромные когти, мощные челюсти с клацаньем сжались – уничтожить, разорвать, выпустить, выпотрошить... Его буквально трясло от злобы и ненависти.

Как вдруг сквозь резкий запах человека неожиданно пробился иной аромат – тонкий, как лепесток горного цветка, но такой родной и знакомый, С ТИХИМИ НОТАМИ ЖАСМИНА И САНДАЛА.

У Медведя перехватило дыхание — это был аромат, от ко-

торого начинала кружиться голова, и очень хотелось ПОЛОЖИТЬ ГОЛОВУ К НЕЙ НА КОЛЕНИ, ЧТОБЫ ОНА ТЕБЯ ГЛАДИЛА И РАСЧЕСЫВАЛА СПУТАННЫЕ ВОЛОСЫ.

Желание было таким необычным и новым, что у Медведя не нашлось слов и образов, чтобы выразить его доступными понятиями. На минуту он застыл с палкой в руках, а затем двинулся в сторону, откуда прилетел непонятный аромат.

— Владимир, ну, быстрее же! — молодая женщина в темно-синем костюме, так хорошо подходящем для прогулки по горам, легко спрыгнула с камня на выющую по альпийскому лугу тропинку. Её прическа растрепалась от долгой ходьбы, мелкие кудряшки смешно шевелились на ветру. Шелковый платок на её груди выбился из-под жакета, обнажая стройную белую шею. Кожаные перчатки она давно сняла и спрятала во входящий в моду небольшой рюкзачок. — Владимир, — засмеялась она. — Буквально пару месяцев назад Вы обещали мне, что будете со мной и в горе, и в радости, а теперь безнадежно отстаёте!

— Надежда, — Владимир пыхтел где-то внизу. — Вы прямо как...

— Как кто? — Надя картинно уперла руки в бока, глядя на мужа сверху вниз. — Неужели я напоминаю Вам ту самую козу, которая чуть не забодала нас в Романовске?

— Ну, что ты? — раскрасневшийся молодой человек взобрался на поляну, с трудом опираясь на альпийские палки. —

Исключительно, горная серна, горная... И когда я говорил, что «в гОре», я имел ввиду совсем не эту горУ.

— Каламбурите, ну-ну! Раньше за тобой я такого не замечала, — Надя уселась на камень, вытянув ноги. — Только посмотри, какая красота вокруг. Я думаю, что для нашего дела выше подниматься не стоит, мы здесь совершенно одни, и солнце скоро начнёт садиться, станет темно.

— Согласен! — по внешнему виду запыхавшегося от подъема молодого человека было понятно, что ещё несколько десятков метров вверх могут пойти ему не на пользу. Он аккуратно уселся рядом с женой на камень и сделал несколько глотков из бутылки с водой. — Здесь очень красиво!

Прямо перед ними расстилались уходящие вдаль горы Русского Кавказа. Вдали по зеленым полям бежали тени облаков, пики Аибги и Чёрной Пирамиды были покрыты нараставшими снегами, но уже уверенно шумела где-то внизу неугомонная Бешенка.

— Надя, — муж серьезно посмотрел на жену. — Вы точно хотите это сделать? — Владимир, когда волновался, всегда переходил на официальный тон. — Если Вы сейчас откажитесь от своей затеи, я Вас пойму. Мы просто выпьем немного кофе с горьким шоколадом, и спустимся вниз.

Надежда игриво посмотрела на своего мужа, в её глазах плясали «бесенята», из-за которых они и стали супругами:

— Муж мой, «и в горе, и в радости», и в любой шалости! Мы с тобой сюда поднимались три часа для чего — чтобы ко-

феёчку испить? Тебе в Романовске кофеен не хватает? Доставай уже свой чудо-аппарат.

— Как скажешь, Любимая, как скажешь! — Владимир снял с плеч дорожный рюкзак и извлек из него штатив и последнюю модель фотоаппарата Leica. — Надеюсь, что кроме нас с тобой эти снимки больше никто не увидит, — проворчал он тихонько себе под нос, устанавливая камеру на штатив и возясь с дальномером. — На этом камне?

— Ну, конечно, с него так хорошо видны вершины! — Надя поднялась чуть выше и решительно сняла жакет.

Застыв у самой кромке леса, Медведь никак не мог понять, что делают эти безумные люди. Самка забралась на белый камень, поворачивалась то одной, то другой стороной своего худого ПРЕКРАСНОГО ТЕЛА к самцу, который делал какие-то пасы с коричневой хромированной коробочкой. С каждой минутой на ней оставалось всё меньше и меньше тех непонятных тряпок, которые люди так любят натягивать поверх своих безволосых тел. От происходящего тянуло какой-то загадочностью и мистичностью. Как заколдованный смотрел он на слегка смущенную самку, позирующую на фоне горных вершин и заходящего солнца.

И аромат — тот самый чудесный аромат шел от неё. Медведь вдыхал его, широко раскрывая свои огромные ноздри. В какой-то момент, когда на раскрасневшейся самке из одежды остался только МАЛЕНЬКИЙ БЛЕСТЯЩИЙ КУ-

ЛОН ИЗ АГАТА В ВИДЕ СЕРДЕЧКА, КАК ЗНАК ВЕЧНОЙ НАШЕЙ ЛЮБВИ, Зверь почувствовал, как в нём что-то перевернулось. Самка была абсолютно нагой, но для него нагота не была чем-то постыдным, сколько себя помнил Медведь он всегда ходил так.

Но нагота именно этой самки! Перед суевающимся самцом... и БЛЕСТЯЩИЙ КУЛОН... и ЭТИ ЗАВИТКИ... и ЭТОТ СМЕХ...

Никакой тайны, никакой красоты, никакой загадочности. Наваждение словно исчезло. ОНА стояла перед незнакомым ему мужчиной абсолютно голой...

ОНА ПРЕДАЛА ЕГО!

Красный туман всколыхнулся в голове Хозяина Леса, он застонал, и от этого звука неожиданно вокруг стало очень тихо. Каждая мышца его огромного тела напряглась, а когти с силой вонзились в землю.

ОНА! ПРЕДАЛА! ЕГО!

Зверь вышел из леса и неспеша, как выходит на охоту хищник, уже выбравший свою жертву, направился к НЕЙ, не отрывал взгляда от НЕЁ. В этом взгляде не было ни ненависти, ни безумия – только ледяная решимость НАКАЗАТЬ ПРЕДАТЕЛЬНИЦУ.

Испуганно прикрыв руками грудь, Надежда смотрела, как к ним медленно идет Большой Медведь. Вся весёлость, вся беспечность, вся игривость – всё куда-то унесло холод-

ным ледяным ветром. Остался животный страх, сковавший неожиданно замерзшее тело.

Владимир заметил перемены в лице жены, оглянулся, и увидев надвигающегося зверя, смешно икнул, постаравшись спрятаться за штатив камеры. Его рот раскрылся в немом крике, глаза вытаращились от ужаса, желудок предательски заурчал.

Зверь, не обращая внимание на дрожащего мужчину, шел к НЕЙ. Надежда видела, как ступают лапы, как не распрямляется примятая трава, как его глаза, не моргая, смотрят прямо на неё.

ЕГО ГЛАЗА! Но... Этого не может быть!

НО ЭТО ЕГО ГЛАЗА!

Она схватила неожиданно ставший горячим кулон, опустила взгляд вниз – увидела свои обнаженные ноги, стоящие на холодном камне, поспешно сброшенную одежду, покрывшуюся пупырышками кожу...

И снова посмотрела на надвигающегося Зверя.

ЭТО ЕГО ГЛАЗА! И в них нет животной злобы, нет кровавого безумства – только боль предательства и желание мести. Что-то внутри неё оборвалось, неужели?

Неожиданно Владимир с силой ударил Медведя кофром. Зверь вздрогнул, поднялся во весь свой рост и занес над Владимиром лапу для удара:

— Стой! – неожиданно для самой себя крикнула девушка,

— не надо! Остановись!

Надя легко прыгнула с камня и, не чувствуя боли от впи- вающихся мелких камней, босая подошла к застывшему зве- рю. Медведь напрягся, но она бесстрашно протянула к нему свою ладонь и коснулась его щеки. Зверь вздрогнул, кулон завибрировал на её груди в такт сердцу, и эта вибрация пе- редалась стоящему перед ней животному:

— Стой! – совершенно не стесняясь своей наготы, повто- рила она уже тише. – Не надо, он же ни в чем не виноват.

Зверь смотрел на НАДЕЖДУ, на её такой знакомый си- луэт, на любимые изгибы. ПРЕДАЛА, ПРЕДАЛА, ПРЕДА- ЛА стучало в его висках.

— Олег, — девушка сняла кулон с груди. – Олег, ведь это же ты? Верно?

Зверь замер, его поднятая для замаха лапа повисла в воз- духе.

— Ты совсем не изменился за эти пятнадцать лет, — про- шептала она. – Даже так же хмуришься, когда злишься.

Девушка, уже совершенно не опасаясь, мягко опустила за- несенную лапу. Зверь издал короткий, похожий на скулёж звук, опустил голову, позволив ей коснуться его лба, а потом прижался к её ладони всей своей широкой мордой. И в этом жесте было столько боли и нежности, сколько не выдержало бы ни одно живое существо. Его глаза наполнились ЧЕЛО- ВЕЧЕСКОЙ ТОСКОЙ.

— Олег, — шептала Надя, глядя его косматую голову. – Прости меня, я тоже очень-очень скучаю по тебе. Олег, пой-

ми, прошло уже столько лет. Я не знала, что ты всё это время был здесь, был рядом – когда люди умирают, мы думаем, что они ушли навсегда.

Из её глаз по щекам капали слезы, она теребила грубую свалывшуюся шерсть и что-то тихо рассказывала Зверю, не в силах отвести взгляд от ЕГО глаз. Надежда не чувствовала холода, не ощущала ледяного ветра, не видела, как наполняется страхом Владимир. Перед ней был тот самый Олег, её первая любовь, её первая страсть, и ей надо было так много ему рассказать.

Медведь аккуратно взял её на руки, она обняла его за шею:

— Спасибо тебе, я знаю, ты всё понял, — она приложила кулон к его сердцу, и он словно утонул внутри медвежьей шерсти. – Мы обязательно увидимся, но чуть позже. Я ТЕБЕ ОБЕЩАЮ!

Девушка, зажмурившись, крепко поцеловала СВОЕГО ОЛЕГА.

В голове у Зверя бушевала самая настоящая буря:

— Она выбрала его... Она – счастлива... Она плачет, но счастлива... А он смотрит на неё... Как смотрел я... Нельзя... Она не переживет... Мне надо уйти... Но я хочу быть с ней... – Олег вдруг почувствовал, как в его груди, там, где его коснулся медальон, словно вдруг забилось ещё одно сердце. – Я не могу быть с ней... Но она теперь будет со

мною... Она будет жить, а я буду её охранять...

Ему стало вдруг хорошо и просто. Он ещё раз обнял при- тихшую девушку, аккуратно поставил её на землю и, повер- нувшись, собрался уходить. Неожиданно его взгляд упал на стоящую на штативе фотокамеру. Медведь с укоризной по- качал головой: ЕГО НАДЕЖДА ВСЕГДА БЫЛА ТОЙ ЕЩЕ ШАЛУНЬЕЙ.

— Хорошо, — засмеялась Надя, — больше так не будем. Но согласись – хорошА!

Она потянулась, как кошка, и Медведь увидел в этом же- сте ту самую Надьку, которая однажды украла у него из-под носа баночку крымского мёда и смеялась точно так же. Зверь заворчал – скорее обиженно, чем злобно, – и вдруг одним сильным ударом лапы разбил камеру, словно стирая само воспоминание о том, что она теперь принадлежит кому-то другому. После чего, не оборачиваясь, ушел в чащу леса.

— Кто это был? – Владимир, с трудом сдерживая дрожь во всём теле, подошел к жене. Он хотел спросить что-то ещё, но слова застряли в горле. Он увидел, как её пальцы всё ещё сжимают агатовый кулон, который она прижала к сердцу медведя, и в этом жесте было столько отчаяния и нежности, что он не решился нарушить тишину

— Один очень хороший человек. Мы должны были быть вместе, но его убили на той глупой войне, — Надя поежи- лась. – Олег Константинович и Надежда Петровна, весь Пе-

тербург в четырнадцатом жалел меня.

Она посмотрела на замершего мужа:

— Его душа не нашла покоя. Оказывается, она ждала меня, и вот сегодня пришла проститься.

— Очень хорошо, что ему это удалось. А ты его? — мужчина неловко поднял сброшенную одежду, стараясь не глядеть в глаза любимой женщине. — Ты...

— Тсс, — Надя приложила палец к губам Володи. — Я твоя жена, и в горе, и в радости, помнишь? — она поежилась. — Может, уже накинешь на меня что-нибудь, снимки уже похоже сегодня не получатся.

— Сегодня? — Владимир снова увидел в глазах жены знакомых бесенят. — Ты сумасшедшая!

— Я знаю, — Надя начала одеваться. — Кофе в термосе, надеюсь не остыл?

Она улыбнулась Владимиру, и он заметил, что в этой улыбке было что-то новое — возможно, тихая, скрытая печаль, которую она никогда не покажет ему.

Надя спрятала кулон в карман жакета, решив для себя, что больше никогда не наденет его.

Но и не выбросит.

Редакция выражает искреннюю признательность читателям за внимание к данному материалу. Хотя описываемые события носят откровенно фантастический характер, мы надеемся, что вечная тема любви, верности и па-

мнати найдёт отклик в сердцах даже самых искушённых читателей. Напоминаем: любые совпадения с реальными историческими персонажами являются художественным вымыслом, а души погибших на войне, как правило, не обращаются медведями.

Но кто знает, какова природа лесного кесаря?

Глава 2 Кати

Вообще-то на сегодня у меня был запланирован день лежачего стакана - дела последние несколько недель шли настолько плохо, что я решил сделать небольшую передышку.

Поскольку уже вчера было понятно, что сегодня всё пойдёт наперекосяк, то сразу после закрытия фотосалона я отдался страсти и разврату: пил сначала светлое, затем тёмное, далее - креплёное, а под конец уже и «Пшеничную» вместе с патрулём добровольцев, задержавших меня за непристойное

поведение.

С утра во рту было сухо, внутри - гадко, а трезвонящий аппарат в коридоре коммуналки явно казался лишним.

- Сэмэн, это к вам, – у тётки Фаи оказался противный голос, хотя она и служила в театре Реввоенсовета. – Похоже, что без вас сегодня родная милиция не обойдётся.

Мотать и плакать: неужели комиссар Иванов соскучился?

Он прибыл в Романовск недавно и вместо того, чтобы ходить в горы и заводить полезные знакомства, принялся искать, вынюхивать и наказывать. Узнав, что в полиции нет штатного фотографа, а у меня есть грешки молодости, он любезно предложил мне на добровольной и, что хуже всего, безвозмездной основе оказывать фотоуслуги действующей власти. Нечасто, но вот почему-то именно сегодня, когда меня переехал трамвай, а затем переплыл пароход, я ему вдруг очень понадобился.

- Слушаю, – попытался сказать я хрипло, дескать, отвлекаете честного труженика от законного выходного.

- Здорово, Сень. Записывай адрес: Трудовых резервов, 25. Очень ждем, у нас мокруха.

- А без меня...

- А без тебя - никак, голуба моя! Адрес услышь - Трудовых резервов! Сам знаешь, кто здесь харчует.

Я помотал головой: на Резервах жили только избранные - прокуроры, политработники, прочие главы администраций. Придётся ехать.

- Машину пришли, – буркнул я. – Мне вчера было так хорошо, что боюсь сегодня не дойду.

- Кто же в среду нажирается? – хохотнул Иванов.

- Среда - мини-пятница, нам, нэпманам проклятым, можно всё.

Иванов буркнул «отправляю» и отключился.

Улица Трудовых резервов отличалась от моей улицы, так же как внешний вид встретившего меня комиссара от моего помятого лица. Чистенькие домики на одного-двух хозяев, построенные в пятилетку «Комфорта и красоты», напоминали альпийскую деревню. Даже дворники здесь были словно из бывших - статные, в фартуках, с бляхами. Ясно, что они не только мели и скребли, но и усиленно бдили.

Машина приехала минут через двадцать, добирались тщательно объезжая лужи - с ночи лил противный холодный дождь отчего ярко-красные флаги и транспаранты, висящие на всех улицах Романовска не трепетали, а висели унылыми тряпками. Ворота нам открыл матерый дворник, с его усов и козырька фуражки стекала вода

Комиссар стоял в центре комнаты с видом Наполеона и отдавал четкие распоряжения. Перед ним за огромным рабочим столом сидело обмякшее тело с деформированным черепом. На полу справа лежал источник деформации, большой черный пистолет.

- Вот такие дела, Семён. Был прокурор - и нет. Заслужен-

ный, член партии с 1917-го, сам новый Император награждал. Сфоткай тут всё аккуратно.

- Сам? – кивнул я на тело.

- Похоже, дернул стопку для храбрости и прострелил голову.

Я расставил таблички, сделал снимки.

- Константин Станиславович, – позвал я. – У него в руке обрывок фотокарточки.

Комиссар попытался пинцетом вытащить неровный треугольник:

- Зараза, крепко держит. Что там?

Остаток фото был небольшого размера, самый низ, судя по всему. Красивые женские ноги, скрытые подолом развивающегося платья.

Лицо комиссара посерело:

- Опять оно. Только в Романовске нам этого не хватало.

- Чего не хватало? – с удивлением я посмотрел на Иванова.

- Не твоего ума дела. Закончил? К семи сделаешь фотографии?

- Сделаю, – буркнул я, – к семи будут готовы, можно будет забрать. До салона на машине подкинете?

Шофёр вёз меня по мокрому городу, «Русо-Балт» проваливался в лужи.

- Дороги ни к чёрту, – пожаловался водитель. – Раньше

хоть щебенку сыпали...

- Комиссар чего такой озабоченный?

- Станешь тут. Прокурор этот, он не хрен с горы, и вдруг - самоубийство. Да ещё карточка... Вчера в «Правде» писали: по всей стране находят тела, будто сами кончают, а у каждого такой кусочек. Наш - четвёртый уже. И все люди серьёзные, в революции вращались.

- Да, ну?

- Вот тебе и «да ну», приехали, деревня. Читай «Правду» - умнее будешь, – водитель откуда-то из перчаточного ящика достал сложенный номер вчерашней газеты.

К вечеру фотокарточки с места преступления были отпечатаны, сложены в специальный конверт и отданы прибывшему за ним водителю. Я поставил на плитку турку - идти домой пока не хотелось, организм успокоился, на улице немного разъяснялось. Прочитанная газета лежала в углу - в маленькой заметке действительно сообщалось о трех непонятных самоубийствах, и везде находились кусочки фото с изображением женских ног в развевающемся платье. Журналист не делал никаких выводов, просто обращал внимание товарищей из органов на такой факт. Как вообще это заметка могла попасть в столь уважаемую газету, для меня оставалось загадкой.

Я аккуратно снял турку с плитки - по салону поплыл одуряющий запах настоящего кофе.

Звякнул колокольчик над входной дверью, я с неудовольствием посмотрел на входящую даму:

- Мы сегодня уже не работаем.

- Добрый вечер. Вижу, что у Вас уже сварен кофе, но мне надо напечатать буквально два снимка вот с этого негатива. Я завтра уезжаю, и хотелось бы оставить небольшую память моим хорошим друзьям. Вы единственный фотосалон, который еще открыт. Конечно, будет достойная оплата.

Я с интересом взглянул на нее, в принципе, уже после ее «Доброго вечера» мне было понятно, что придется задержаться в салоне. Голос вошедшей неожиданно оказался очень мелодичным и властным. Не из тех, которые скрипучие и бьют прямо в мозг, заставляя выполнять приказанное, лишь бы только не слышать его вновь. Нет, тут тон, интонации – они обволакивали тебя, усыпляли и гипнотизировали. Невысокая, в мокром черном пальто, курносенькая, ее лицо казалось очень знакомым.

Дама сняла с руки перчатку и достала из сумочки темный пакет со стеклянной пластинкой:

- Аккуратнее, пожалуйста, ему уже больше 20 лет. Я могу подождать здесь?

Я взял в руки конверт, на нем сверху было написано «АР.1917»:

- Сейчас напечатаю, но, если хотите, можно сделать сегодняшнее фото, Ваши друзья будут довольны.

- Нет, – засмеялась она. – На негативе не я, а близкая род-

ственница. Этот снимок - он очень дорог всем нам. С ним связаны самые лучшие воспоминания нашей жизни.

- Печать займет примерно час-полтора, сейчас уже вечер, можете прийти завтра утром. Я открываюсь в восемь и все будет готово.

Дама явно сомневалась:

- А быстрее никак? Я доплачу.

- При всем желании, я не смогу обмануть законы химии.

На стол легли пять рублей — это было много больше стоимости фотографий.

- Убедили, подходите к 21:00, дверь будет закрыта, постучите посильнее, вдруг я буду в лаборатории.

- С вами приятно иметь дело, не прощаюсь, — дверь за ней закрылась.

Я щёлкнул замком, повернул табличку на «Закрыто», допил кофе и ушёл печатать.

Та-а-ак, и что мне с этим теперь делать, готовые снимки лежали на столе,

Ну, что же, фотограф поработал идеально - отлично выставленный свет, прекрасная экспозиция, великолепная модель. Рядом со столиком, на котором красовался букет цветов, стояла стройная девушка с небольшим курносым носиком. Из-под развевающегося платья красотки кокетливо выглядывают стройные ножки.

Это были те самые фотографии, обрывки копий которых

находили в руках самоубийц по всему Союзу.

Позвонить комиссару?

Или...

Я снова поставил турку и стал готовить кофе на двоих. На часах было ровно 22:00, когда в дверь аккуратно постучали.

Я молча выложил перед девушкой сделанные копии, а затем прикрыл их сверху выпуском "Правды", чтобы заметка о странных самоубийствах оказалась сверху. После этого вопросительно посмотрел на побелевшую даму:

- Знаете, у меня есть знакомый комиссар из угрозыска. Его буквально пару месяцев назад прислали к нам из столицы, где, как говорят, он не раскрыл несколько убийств. И что самое удивительное, – я кивнул на лежащие под газетой фотографии, – у каждой жертвы в руках оказывались кусочки снимка, с девушкой у столика с розами, – я отхлебнул горький кофе. – Скажите, почему я не должен звонить своему хорошему знакомому?

Девушка молчала, её руки теребили перчатки, в глазах начали появляться слёзы. Однако три моих предыдущих брака дали мне хорошую прививку против этого секретного женского оружия:

- Голубушка, – я снова сделал глоток. – Против такого приема у меня стабильный иммунитет, ваши слёзы даже скорее раззадорят во мне еще большее любопытство. Так почему же я не должен набрать УГРо и позвать Константина Ста-

ниславовича?

Дама подняла на меня абсолютно сухие глаза - в них блеснула искорка:

- Потому что вам самому интересно, что же такое происходит. У вас есть сигарета? И в кофе можно добавить ложечку сахара.

- Интересное начало, что ж... — я чиркнул зажигалкой, - если это того действительно стоит, можно пожертвовать и куском коричневого тростникового. Или Вам больше нравится вприкуску?

Она затянулась, выпустила дым:

- Вы правда готовы позвонить вашему комиссару? — увидев мой кивок, она продолжила. — А если я Вам скажу, что эти люди умерли не совсем из-за этой фотографии?

- Я тоже думаю, что организовывать самоубийства из-за того, что у них у всех был снимок с Вами - такое себе...

- Семён, верно? — дама элегантно мешала кофе. — Давайте сразу договоримся: я не имею отношения ни к девушке на снимке, ни к самоубийствам.

- Вам не кажется, что факты свидетельствуют против вас. Меня не было на трёх первых трупах, но сегодня я сам лично вытащил из окоченевших пальцев нашего всеми любимого прокурора кусочек снимка, очень похожего на тот, что Вы попросили напечатать.

Она чуть-чуть улыбнулась:

- Вы знаете кто такой Коко? Он вам больше известен, как Николай Львович?

- Конечно, это же наш прокурор, правда уже покойный.

- Двадцать лет назад он был совсем другим человеком. Молодым, амбициозным и очень близким к тем, кто тогда решал судьбу России.

- Вы намекаете на революцию семнадцатого, будь она неладна?

- То есть, - в её глазах мелькнул холод, - вы недовольны сменой правящей династии?

- Но, но, - погрозил я ей пальцем. - Не стоит путать круглое с мягким. Быть может правящая фамилия Ульяновых и не совсем то, что нужно мне в данный момент, но всяко раз-но лучше сбежавшего Николая. Переметнуться на сторону противника, скрыться у брата Вильгельма, в тот момент, когда страна почти победила в Великой войне!

- А если всё было совсем не так? – голос дамы стал неожиданно печальным.

- Тогда расскажите свою версию, – я с интересом посмотрел на собеседницу.

- Сначала скажите, что вы знаете о княжне Анастасии?

Я усмехнулся:

- Тоже, что и все - великая княжна умерла в plombированном вагоне. Простудилась, заболела пневмонией, её похоронили где-то на границе с Польшей. Могила затерялась

в хаосе революции.

- А если она не умерла? - глаза дамы подозрительно заблестели. - Представьте, что девушка пережила революцию, а через двадцать лет об этом узнали люди, которым очень захотелось увидеть её живой.

- Потому что она могла бы претендовать на престол?

- Потому что её претензии на престол выглядели бы куда убедительнее, чем у Ульяновых. Если выгорит - на троне легко управляемая императрица, не выгорит - можно оказывать давление на Владимира I.

К такому меня жизнь не готовила:

- Анастасия отказалась снова взойти на трон?

Кати посмотрела на меня:

- Вы всё-таки понимаете быстрее, чем мне хотелось бы.

- Значит, она действительно... Значит вы...

- Тише, - она подняла палец к губам. - Меня зовут мадемуазель Кати, и ничего иначе

Я откинулся на спинку кресла.

- Хорошо, допустим. Но почему Вы..., то есть Анастасия отказалась? Разве снова стать императрицей — это плохо.

Кати улыбнулась:

- Наверное, она слишком хорошо знает историю. Новый Император много сделал для страны, а также для того, чтобы легализовать своё правление - его брак с младшей дочерью греческого короля, рождение наследника Александра Вла-

димировича...

- Хотите сказать, что для Анастасии это всё имеет какое-то значение?

Она взяла чашку, но пить не стала:

- Вы видите, что сейчас происходит в Европе? - я кивнул.
- Тогда знаете и про Германию. Там один человек обещает через несколько лет изменить всё до неузнаваемости. Война снова висит над Россией, и, если сейчас вытащить на свет старую династическую карту, Россия может получить не императора, а ещё одну войну. Гражданскую!

- То есть Анастасия именно поэтому отказалась от власти? Побоялась ответственности?

- Не побоялась, а пожертвовала собой и своим будущим. Возможно, звучит пафосно, но она слишком хорошо знает, чем заканчиваются попытки спасти Россию от самой России.

В комнате ненадолго стало тихо.

- Тогда фотография, - сказал я. - Что на ней такого?

Кати протянула руку:

- Вы хороший собеседник, Семен, а может мне просто уже давно надо было выговориться. У вас есть увеличительное стекло?

Я сходил в лабораторию и принес лупу. Кати взяла её в руку, задумчиво покрутила:

- Смотрите внимательно, это был великолепный день для

шестнадцатилетней девочки... и очень плохой для России. Посмотрите сюда.

Я взял увеличительное стекло и вгляделся в угол снимка.

- Не может быть! - моя спина снова похолодела. - Ведь нам всё время твердят...

- Вам много чего твердят.

Я ещё раз посмотрел в зеркало. Двое мужчин: один невысокий, в военном кителе, второй - немного лысый, в темном костюме тройке.

- Они встречались?

- Иногда самые непримиримые враги встречаются тайком, например, чтобы договориться о том, как сохранить власть, как разделить страну, как избежать крови, как сделать вид, будто каждый из них победил.

Я медленно выпрямился:

- Эти четверо знали?

- Возможно.

- И пытались использовать княжну?

- Они пытались использовать её имя. Этого вполне достаточно.

- Подождите, - вопрос вертелся на языке. - Эти кусочки фотографий в руках мертвецов, а они для чего?

Кати улыбнулась.

- Чтобы некоторые люди вовремя забыли то, что однажды случайно увидели, - она встала. - Поверьте, на этом всё закончится.

- Вы так уверены?

Да, ведь негативов больше нет! – она бросила стеклянную пластинку на пол, та разлетелась с сухим звоном.

Я был поражен. Хотя:

- Подождите, вы же заказали еще два снимка? – я указал на лежащие на столе фотографии.

- Один оставлю себе на память, а второй... Как вам кажется, Анастасия здесь хорошо получилась?

- Великолепно!

Она оторвала часть снимка, где было видно зеркало, оставшееся вручила мне:

- Держите, это подарок за молчание. Не у каждого есть снимок княжны, отказавшейся от трона ради высоких идей.
– Она рассмеялась. – Берегите себя, Семён, иногда правда приносит больше неприятностей, чем ложь.

Она направилась к двери.

- Кати?! - дама обернулась. - Вы правда думаете, что главное - чтобы в стране был мир?

Она немного помолчала:

- Нет, – Кати натянула на руки перчатки. – Главное - чтобы те, кто хочет его устроить, не начали снова спасать Россию от самой России. Это слишком дорого нам всем обо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.